

Иероним Ясинский

Пожар

Иероним Ясинский

Пожар

«Public Domain»

1889

Ясинский И. И.

Пожар / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1889

«Кремнев встал с легкой болью в голове. Это был человек атлетического сложения, с огромной черной бородой, волнисто сбегающей на грудь. Боль в голове заставила его подумать, что он давно не был на охоте. Он приказал кучеру запрячь лошадь и, увидев жену с заспанным лицом, вышедшую из детской, проговорил:— Хочу рассеяться. Кровь, должно быть, застоялась. Жена посмотрела на мужа равнодушным взглядом...»

Иероним Ясинский

Пожар

(Очерк)

Кремнев встал с легкой болью в голове. Это был человек атлетического сложения, с огромной черной бородой, волнисто сбегаящей на грудь. Боль в голове заставила его подумать, что он давно не был на охоте. Он приказал кучеру запрячь лошадь и, увидев жену с заспанным лицом, вышедшую из детской, проговорил:

– Хочу рассеяться. Кровь, должно быть, застоялась.

Жена посмотрела на мужа равнодушным взглядом.

– Поезжай, – сказала она. – Ночью сгорело чье-то сено. Ты бы, Сергей Иванович, посмотрел, не...

– Нет, не наше, – прервал жену Сергей Иванович. – Это стоги отца Митрофана. Наше сено с другой стороны. А впрочем... Семен! – крикнул он. – Так ты говоришь, что поповское сено сгорело?

– Поповское. А то чье же? – ответил кучер с козел по направлению к открытому окну в доме, где беседовал с женою Сергей Иванович.

– Вот видишь! – с улыбкой произнес Сергей Иванович и надел на свою большую стриженую голову маленький кожаный, сильно потертый картузик. Через плечо он повесил нитяную сумку, взял двустолку с зеленою истрепавшеюся перевязью и, тяжело поскрипывая охотничьими сапогами, вышел на крыльцо и сел в свою бричку.

– Цитра, ісі!

Сеттер, весь дрожа своим благородным телом, с радостным лаем вскочил в бричку и поместился у ног хозяина, волнуясь и тыкая холодным носом в руку Сергея Ивановича.

– Куш, дура! Лида, а Лида! – закричал Сергей Иванович жене, которая выбежала на крыльцо в ночной кофте и коротенькой красной юбке, плотно облегавшей круглое тело. – Послушай, Лида, придут от Хаима за маслом, так ты не продавай дешевле 30 копеек. Теперь масло стало дороже. А яйца, – крикнул он, когда лошадь тронула экипаж и пошла к раскрытым настежь воротам, – совсем не продавай! Яйца станут скоро дороже... Стой, Семен, придержи лошадь! Лида! Придут из управы за ассигновкой, так скажи, чтобы подождали. Общественных денег я никому не могу доверять. А картофель пошли Плюхаревым. Они просили мешочек нашего картофеля. Мы с ними потом, сочтемся. Пошел! Стой! Ваньке больше трех копеек в школу на завтрак не отпускай! Ты его балуешь!

Что-то еще хотел сказать распорядительный и хозяйственный Сергей Иванович, но лошадь выехала, наконец, из ворот, потому что ей не стоялось, да и Семену надоело слушать крик барина. Сергей Иванович махнул рукой, поплотнее уселся в бричке, завернулся в полотняную накидку, походившую и на плащ, и на халат, и скоро очутился за чертой уездного города, где протекла его сорокалетняя жизнь, где он добился и независимого состояния, и видного положения – он был председателем земской управы – и где ему суждено будет сложить на старинном мирном кладбище свои кости. Конечно, это случится еще нескоро – Сергей Иванович проживет еще лет сорок. Он по крайней мере был в этом уверен.

Неопределенная, тупая боль головы сосредоточилась в правой половине ее. «Должно быть, сейчас и совсем пройдет», – подумал Сергей Иванович.

Лошадь бежала мерной рысцой, какую бегают сытые и откормленные хозяйские лошади. Пыль поднималась по обеим сторонам брички от быстро вертящихся колес; белая, как снег, шелковистая Цитра лежала неподвижно у ног Сергея Ивановича, но не переставала дрожать, обнюхивая по временам ложе двустолки. Солнце еще невысоко стояло над землею, небо было

ясное, безоблачное, синего, василькового цвета. Рожь начинала белеть – почти поспела. На горизонте кругом виднелись темные массы лесов, похожие на растянувшиеся низкие тучи. Дорога вилась проселочная, и Сергей Иванович вскоре увидел луг с кучами пепла, уже переставшего дымиться и лежавшего, на том месте, где еще так недавно гордо возвышались стоги прошлогоднего сена отца Митрофана.

– Нарочно сожгли, – предположил Семен, закулив трубку. – Поскупился батюшка, не продал по осени – вот теперь и шабаш.

– Ты думаешь – нарочно? – спросил Сергей Иванович.

У него сено тоже не продано с прошлого года и, значит, его сему может угрожать та же участь, потому что кто-нибудь, очевидно, заинтересован в уничтожении запасов сена, может быть, с целью поднять цены.

«Завтра же продам Хаиму сено», – мысленно рассуждал Сергей Иванович.

Вот потянулись сенокосы соседей Сергея Ивановича, а вон и его собственный сенокос. Слава богу, огромные стога его стоят целы и невредимы, а свежескошенное сено собрано уже во множество маленьких копен. С лица Сергея Ивановича сошла тень заботы и опасения.

Кончились луга. Высокие деревья – сосны и дубы – возвышались там и сям, может быть, на месте некогда бывшего густого леса. Теперь здесь расстиралось огромное кочковатое болото, заросшее явором и всякого рода болотной травой.

Сергей Иванович велел Семену остановиться под тенью раскидистого дуба и отправился бродить с ружьем и собакой по кочкам болота. Цитра часто делала стойку, вытягивая хвост трубой и поднимая лапу. Дичи было пропасть. Бекасы то и дело взлетали вверх с красивым фырканьем, от которого у Сергея Ивановича сладко ныло сердце; но никогда еще Сергей Иванович так дурно не стрелял. Он считался вообще очень хорошим стрелком, который даром заряда не выпустит и убивает наверняка. Сегодня что-то странное произошло с Сергеем Ивановичем. У него дрожали руки, и он не совсем твердо стоял на ногах. Ему было очень неприятно, что он так безобразно пуделяет, да еще при свидетелях, потому что не только Семен мог осудить хозяина за его промахи, но и Цитра, несомненно кое-что смекающая в охоте. Недаром она вела себя сначала так сдержанно и обдуманно, а потом вдруг стала горячиться и как бы в насмешку над охотником начала гоняться за стрекозами и мотыльками. Сергей Иванович не мог долго ходить. Ничего не убив, он вернулся к бричке. Он страшно устал, и ему захотелось полежать.

– Семен, скверное это болото.

– Чем же скверное, помилуйте.

– Да тем скверное... Цитра, дура! Ты забыла стойку, дрянная псица. Не замечаешь, Семен, не дрожит у меня голова?

– Помилуйте, Сергей Иванович, чего же ей дрожать?

– Ну, так это мне так кажется... Скажи, Семен, продешевили мы масло?

– Нет, Сергей Иванович.

– А неужели и мое сено спалят?

– Есть такие народы, Сергей Иванович!

Сергей Иванович предался некоторой задумчивости. Он выпил две рюмки водки и закусил хлебом. Боль, которую он чувствовал в правой половине головы, как будто на время прошла, но зато Сергей Иванович чересчур скоро охмелел. Он разостлал на земле свою полотняную одежду и моментально заснул. Семен сидел поодаль от барина, глядел на болото бессмысленным взглядом и, растянув рот, насвистывал сквозь зубы польку. Цитра улеглась под бричку и тоже заснула.

Сергею Ивановичу неожиданно приснился мрачный сон. Он приходит в управу, а там сидит в его кресте покойный Зозуленко, его предместник, и глаз у него нет, так что страшно смотреть.

- Что с вами?
- Да вот, как видите, умер.
- Помилуйте, это вам так кажется! Вы человек еще молодой, и у вас шесть человек детей – вам нужно для них пожить.
- Неправда, шесть человек у вас, а не у меня.
- Ванька ваш сын? – спрашивает Сергей Иванович.
- То-то и есть, что Ванька ваш сын.
- Неужели мой сын?
- В таком случае, позвольте вас спросить, Сергей Иванович, – с странной и, по-видимому, непоколебимо логической последовательностью вопрошает покойный Зозуленко: – Почему вы продаете масло и сколько у вас в погребах всех яиц? Я уверен, что у вас около миллиона яиц. Домните, когда вы были студентом, у вас была радикальная точка зрения на все это?..

Зозуленко смеется, встает и, прихрамывая, почти приседая до самого пола, быстро и развязно выходит из управы. Сергей Иванович с недоумением и тайным страхом смотрит ему вслед и вдруг догадывается, что Зозуленко намерен поджечь его сено. Он бежит за ним и в ужасе кричит: «Держи его, лови его!» Но Зозуленко все чаще и чаще хромот, и хитрый торжествующий смех вырывается-по временам из его груди. Сергей Иванович выбился из сил, упал и, обливаясь холодным потом, проснулся.

Солнце поднялось уже высоко. Сергей Иванович полежал на спине, хотел отстранить сучок, надавивший ему правую половину головы и, машинально протянув к нему руку, не нашел никакого сучка. Он подумал, что это представилось ему спросонья, вскочил, зевнул и произнес, держась рукой за лоб:

- А что, Семен, не поедem ли мы домой?
- А стрелять не хотите больше?
- Нет, не хочу. Тебе, Семен, снятся сны? Днем снятся?
- Зачем? Бог милостив.

Сергей Иванович рассмеялся. Во время смеха боль в голове стала приметнее.

– Да, да, запоздали мы с сеном, – озабоченно произнес Сергей Иванович, как бы в пояснение виденного им во сне происшества.

К обеду он возвратился в город. Жена спросила его:

- Как ты себя чувствуешь?
- Да, пожалуй, лучше, – ответил он.
- Ну и слава богу. А я масло продала.
- Почему?
- По тридцать две копейки.

Сергей Иванович улыбнулся и взял жену за ее жирный, двухъярусный подбородок.

– Ты у меня молодец! – сказал он, окидывая взглядом пышные формы своей подруги, одетой теперь в широкую ситцевую блузу. – Из управы не присылали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.